С.А. Демидова*

«ЕСЛИ ЖИЗНЬ – БЛАГО, ТО БЛАГО И СМЕРТЬ»: ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ТАНАТОЛОГИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО

Проблема смерти является ключевой как для Толстого-писателя, так и для Толстого-мыслителя. Все религиозно-философские и художественные искания Л.Н. Толстого сосредоточены на исследовании феномена существования через экзистенциальное осмысление факта умирания. Повесть «Смерть Ивана Ильича» наиболее полно и последовательно раскрывает парадоксальную танатологию Толстого: смерть одновременно и абсолютное зло, и величайшее благо; она противоположна жизни, но является неотъемлемой ее частью. «Смерть есть жизнь», – перефразирует Толстой слова древнегреческого философа, и в этом утверждении русский мыслитель дает квинтэссенцию собственной философии смерти.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, экзистенциализм, танатология, феномен смерти, смысл жизни, свобода, любовь, добро

«If life is blessing, then death is blessing too»: paradoxes of Leo Tolstoy's thanatology SERAFIMA A. DEMIDOVA (National University of Science and Technology MISiS)

Death is a key issue for both Tolstoy as a writer and Tolstoy as a thinker. All of Leo Tolstoy's religious, philosophical and artistic investigations focus on the study of the phenomenon of existence through existential reflection on the fact of dying. It is Tolstoy's story «The Death of Ivan Ilyich» that most consistently reveals the paradoxes of his thanatology. In his view, death is both an absolute evil and the greatest good; it is the opposite of life, being an integral part of it. «Death is life» – that is how Tolstoy paraphrases the words of the ancient Greek philosopher, and this statement represents the quintessence of the Russian thinker's philosophy of death.

Keywords: Leo Tolstoy, existentialism, thanatology, phenomenon of death, meaning of life, freedom, love, good

Вопрос смерти, небытия, несуществования – один из определяющих вопросов философии. В русской философской мысли – от А.Н. Радищева и А.Д. Кантемира до Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева – он решался как вопрос о смысле жизни. Такие отечественные мыслители, как К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, Н.А. Бер-

дяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, И.А. Ильин, Л.И. Шестов, создали уникальную танатологическую традицию, за которой по праву признано первенство в мировой философии. Характерный для русской философии подход к вопросам смысла и сущности смерти, сосредоточенный на этико-экзистенциальном

* ДЕМИДОВА Серафима Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСиС».

E-mail: amifares@mail.ru

© Демидова С.А., 2020

измерении ее феномена, дает наиболее глубокое осмысление проблемы смерти. Одним из основателей танатологической традиции, во многом определившей особенности культурно-философского сознания XX в., на которую опирались в построении своей системы воззрений А. Камю, М. Хайдеггер, В. Янкелевич и др., является Лев Николаевич Толстой (1828–1910). Вклад писателя в танатологический опыт русской и западноевропейской философии огромен, и потому проблематика танатоса в идейно-художественном наследии Толстого продолжает вызывать значительный исследовательский интерес.

Смерть и опыт ее осмысления – стержневая проблема для Толстого, художника и мыслителя. Писателя до конца жизни преследовал так называемый «арзамасский ужас» – приступы сильнейшей тоски и страха, связанные с мыслями о смерти. Его работу над любым творением, будь то художественное произведение, религиозно-философский трактат, статья или дневник, неизменно определял вопрос, «есть ли в... жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?» [3, т. 23, с. 16–17]. Еще в детстве Толстой проникается придуманной им и его братьями легендой о зеленой палочке, на которой написана заветная тайна о человеческом счастье, прочитав которую, люди станут счастливы. Но уже в детских представлениях писателя о счастье сквозило осознание смерти как неотъемлемой составляющей бытия человека: «Всем людям хочется жить радостно, в любви и согласии, не болеть, не страдать, не умирать, – разъяснял Толстой суть своих детских суждений, – и все живут в разделении, во вражде друг с другом, все болеют, все страдают и умирают» [3, т. 36, с. 407]. Это открытие Толстого-ребенка волновало писателя на протяжении всей жизни: для него свободно рассуждать о жизни невозможно до тех пор, пока не был окончательно решен вопрос о смерти. «Если человек научился думать, – про что бы он ни думал, – уверял Толстой, – он всегда думает о своей смерти» [Цит. по: 1, с. 35].

По воспоминаниям современников, Толстой боялся смерти, но вместе с тем она привлекала к себе его как «самый главный» предмет умозрения и являлась «гением-вдохновителем» или «музагетом философии» писателя. Рассуждения А. Шопенгауэра («гениальнейшего из людей», по определению Толстого) о том, что смерть служит отправной точкой философство-

вания, можно с полным основанием отнести и к истокам исканий Толстого. Преодолением страха смерти, «величайшего страха» жизни (Шопенгауэр), стала система представлений Толстого о «смертной телесности» с ответами на важнейшие вопросы о смысле жизни, вере и религии, о сущности любви и значении добра, соотношении личного и социального, эгоистического и жертвенного начал в человеке. Не мог не стать танатос и важнейшим конститутивным моментом творческой рефлексии Толстого, где обретал художественные формы своего выражения. И если в философском осмыслении, то есть, по мысли Сократа, в «искусстве умирать», Толстой дошел до понимания тонких материй, значит, его творчество, как ни одного другого автора, требует философской интерпретации через призму феномена смерти.

Одним из характерных текстов, в которых философия смерти Толстого отражена во всей своей полноте, является повесть «Смерть Ивана Ильича» (1886). Зрелое творчество писателя в целом некоторым философам представлялось «откровениями смерти» (Л. Шестов), положившими начало развитию культуры экзистенциализма в XX в. 1880-е гг. в творческой биографии писателя – период религиозно-философского поворота, перерождения Толстого, по язвительному заключению Н.Ф. Федорова, из великого писателя в плохого мыслителя. Однако едва ли возможно отделить Толстого-художника от Толстого-философа. Доказательством тому, помимо прочего, служит и высокая оценка повести «Смерть Ивана Ильича» не только в литературном, но также и в философском сообществе. Исходной установкой для художественного эксперимента Толстого в этой повести стало стремление не просто представить свои рассуждения о смерти, но попытаться показать смерть определенного человека в максимальной жизненной конкретности. И если в целом повесть не прочитывается как собственно философское произведение, служащее иллюстрацией к авторской танатологии, то, по крайней мере, является текстом, где умозрительность своих представлений о смерти автор стремился «опредметить».

В «Смерти Ивана Ильича» Толстой ставит жизненно важный для себя вопрос: имеет ли человеческая жизнь какой-либо возможный «общий», «разумный» смысл перед лицом неизбежного конца? Вне этого смысла человек, по мнению Толстого, остается наедине со смертью, которая обесмысливает все его

существование. Но для писателя «жизнь» и «смерть» – величины системные, связь которых коррелятивна: в центре жизни всегда находится смерть, а в центре смерти – жизнь. Системообразующий их характер демонстрирует следующая запись Толстого: «Если жизнь – благо, то благо и смерть, составляющая необходимое условие жизни» [3, т. 42, с. 20]. Смерть, считает Толстой, есть необходимый элемент человеческой жизни. А «движение» человека от рождения к смерти – естественный уклад вещей. И понимание неминуемости смерти должно рационализировать существование человека, обуславливать разумное распределение им времени жизни, поступков по мере их значимости для себя и окружающих. Что же тогда заставляет человека, да и самого Толстого, боявшегося смерти, воспринимать смерть – естественный элемент, пусть и финальный этап человеческого существования, как величайшее зло? Ответом на этот вопрос служит недопустимая, по Толстому, беспечность человека. Люди, замечает Толстой, живут так, словно смерти нет, и свои старания направляют лишь на то, чтобы избегать малейшей мысли о смерти, которая в их представлении бывает лишь с другими. Толстовская «религия смерти» выступает мерилем жизни человека, подобно тому, как в древнем мире сформировался обычай в момент наивысшего триумфа человека напоминать о смерти (*Memento mori*).

Судейский чиновник Иван Ильич, герой повести «Смерть Ивана Ильича», уже зная о своем смертельном диагнозе, вспоминает знаменитый силлогизм «Все люди смертны. Кай – человек, стало быть, он тоже смертен» и применяет его к себе. Теперь умирает не кто-то другой, не абстрактный Кай, но он сам. Толстой описывает это экзистенциальное открытие своего героя так: «Тот пример силлогизма, которому он учился в логике, <...> казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо» [3, т. 26, с. 92–93]. В экзистенциальном отчаянии своего героя Толстой вскрывает ужас смерти, о котором в приличном обществе не говорят: «И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, – мне это другое дело. И не может быть, чтобы

мне следовало умирать. Это было бы слишком ужасно» [3, т. 26, с. 93]. Таким образом, встреча со смертью¹ разрушает все привычные для всякого человека, Ивана Ильича в том числе, стереотипы и вынуждает принять жестокую правду: все люди смертны, я человек, стало быть, я также смертен.

В то же время столкновение со смертью вызывает в человеке невероятное чувство несправедливости: ведь логическая схема – это одно, а жизнь, настоящая моя жизнь – совсем другое, и в ней не может быть все точно так, как в сухой безжизненной схеме. Толстой этот момент хорошо понимает, потому, как порой казалось его собеседникам, «играет со смертью, кокетничает с ней и старается как-то обмануть ее: я тебя не боюсь, я тебя люблю, я жду тебя. А сам остренькими глазками заглядывает: а какая ты? А что за тобою, там дальше? Совсем ты уничтожишь меня или что-то останется жить?» [1, с. 36]. Здесь Толстой, оставаясь на пороге жизни и смерти, хочет заглянуть за мортальный горизонт, чтобы посмотреть в глаза смерти и увидеть, что будет «там», после нее. При всем этом Толстой предстает обыкновенным человеком, в котором живет абсурдная надежда на то, что именно ему сделается исключение и именно его смерть обойдет стороной. В этом уже просматривается проблема метафизического бунта: расхождение между жизнью (я живу и буду жить всегда, потому что не думаю о смерти) и логикой (силлогизм: все люди смертны, я человек, и, стало быть, я тоже смертен!) заставляет человека бунтовать против логики ради жизни. В этом бунте экзистенция человека бьется с тем, что прерывает ее существование, хотя жизнь отдельного человека не может и не должна быть прервана.

Рассуждения Ивана Ильича приводят к закономерному выводу: если жизнь можно понять как определенное отношение человека к миру, то смерть есть естественная перемена в этом отношении. Через осознание своей смертности человек приходит к разумному принятию должной нравственной жизни, к познанию своей истинной сущности и смысла земного бытия. Как только человек поймет это, смерть как переход к большему благу станет для него великим и радостным событием. Однако, замечает Толстой,

¹ Данный факт справедливо отмечает Л. Шестов: «Пока смерть не появится на горизонте человека, он в философии еще младенец. Только великие потрясения открывают человеку последнюю тайну» [5, с. 64].

человек никак не желает признать свою смертность, а значит – познать самого себя. Из этого факта вытекает один из парадоксов учения Толстого: счастье человека, о котором так много говорит писатель в своих религиозно-философских произведениях, напрямую зависит от осознания себя как существа смертного. «Стоит человеку, – пишет Толстой, – признать жизнь не в благе своей животной личности, а в благе других существ, и пугало смерти навсегда исчезает из глаз его» [3, т. 26, с. 371]. Экзистенциальный «страх смерти», таким образом, преодолевается высшим смыслом жизни, имеющим амбивалентную ретроспективно-перспективную ценность. А высшим смыслом существования человека Толстой признает единение людей, умножение ими добра и любви.

Впрочем, этот тезис Толстого-философа уступает силе художественной убедительности Толстого-писателя, с которой он изображает трагедию смерти в своих произведениях. Встречаясь со смертью, человек теряет усвоенные им за жизнь механизмы поведения и просто не знает, что ему делать². Иван Ильич, отгоняя мысль о смерти, хочет отвлечься в работе, в домашних делах; когда же «вести» смерти становятся настойчивее – находит облегчение в точном исполнении предписаний докторов; затем апеллирует к слепой надежде на лучшее как последнему варианту успокоения. Вместе с тем, метафизический бунтарь внутри Толстого заставляет иронизировать над бесплодными потугами героя, особенно его надеждой на Высшую Благодать: автор словно вскользь декламирует «Бога, творца нет», давая понять, что экзистенциальный вопль его героя услышать просто некому. Тем временем персонаж Толстого начинает понемногу усваивать оптику своего автора и смотреть на мир *sub specie mortis*: «Все грустно показалось Ивану Ильичу на улицах. Извозчики были грустны, дома грустны, прохожие, лавки грустны» [3, т. 26, с. 86]. Смерть сделала его совершенно одиноким. На самом же деле, с точки зрения Толстого, смерть показывает, что все мы онтологически одиноки в силу своего положения в мире, по причине своей «выброшенности в бытие» (М. Хайдеггер).

² Этот психологический сбой в поведении описывает В. Янкелевич в своей книге «Смерть»: «Поскольку мы никогда не знаем, что делать у могилы, мы начинаем сажать цветы; это все-таки какое-то занятие для почему-то ничем не занятых живых, стоящих рядом с усопшим» [7, с. 258].

Метафизическую и экзистенциальную значимость осознания своей смертности человеком в ситуации предстояния перед смертью Толстой станет утверждать в каждом своем сочинении. Но если в текстах «философского цикла» у Толстого соотношение понятий «жизнь» и «смерть» представлено в основном аналитически сухо и даже аксиоматически, то в литературных произведениях они из отвлеченных категорий превращаются в экзистенциалы человеческого бытия, их взаимодействие выходит на новый уровень осмысления за счет многозначности художественного слова. «Не нынче-завтра, – пишет Толстой в своей «Исповеди» (1882), – придут болезни, смерть (и приходили уже) на любимых людей, на меня, и ничего не останется, кроме смрада и червей. Дела мои, какие бы они ни были, все забудутся – раньше, позднее, да и меня не будет. Так из чего же хлопотать? Как может человек не видеть этого и жить – вот что удивительно! Можно жить только, покуда пьян жизнью; а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что все это – только обман, и глупый обман!» [3, т. 23, с. 13]. Иван Ильич жил, стараясь сделать свою жизнь приличной и приятной, удобной и продуманной. В каком-то смысле он также был пьян жизнью и потому существовал: он увлекался своей работой, делал ее с упоением и энтузиазмом. Он с удовольствием устраивал новую квартиру для своей семьи и был поглощен этим так же, как и ранее работой. Но, оказавшись наедине со смертью, герой погружается в иные, уже экзистенциальные переживания, которые Толстой мастерски раскрывает в нескольких проблемных плоскостях.

Во-первых, в философской плоскости, определяемой центральным для Толстого вопросом о смерти, обыкновенно отторгаемой человеческим сознанием. Люди, что вызывало недоумение писателя, не готовы мыслить о смерти. Высший смысл гипотетической встречи с ней человек склонен переводить в практико-мещанский контекст обыденной жизни. Эту мысль М. Хайдеггер выражает следующим образом: «“Умирание” нивелируется до происшествия, присутствие, правда, задевающего, но ни к кому, собственно, не относящегося. <...> Обыденное бытие к смерти есть как падающее постоянное бегство от нее. Что присутствие, всегда свое, фактично всегда уже умирает, то есть существует в бытии к своему концу, этот факт оно утаивает себе тем, что переделывает смерть в обыденно происходящий смертный случай у других, в

любом случае лишь яснее удостоверяющий нам, что “сам ты” еще ведь “жив”» [4, с. 253–254]. Так, когда товарищи по службе узнают о смерти Ивана Ильича, то первая мысль каждого из них «была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых» [3, т. 26, с. 61]. То есть для них смерть лишь элемент символического обмена (Ж. Бодрийяр). Толстой так формулирует мысль, вызванную смертью Ивана Ильича в его сослуживцах: «Самый факт смерти близкого знакомого вызвал во всех, узнавших про нее, как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я» [3, т. 26, с. 62]. Толстого этот аспект метафизических ощущений современного ему человека глубоко возмущал, а в сегодняшней культурно-философской теории он заслужил определения «эвтаназийного». «Эвтаназийная парадигма культуры» (В.В. Варава) подменяет мысль о смерти или религиозными догматами о будущей жизни (т.е. перескакивая через смерть сразу к жизни после жизни), или заранее заготовленными мещанскими ответами о том, что смерть – это еще не скоро, да и вообще умирают всегда другие, они, но не я. Толстой, таким образом, с первых строк «Смерти Ивана Ильича» иллюстрирует свой тезис о том, что тема смерти окутана ложью, а на саму смерть люди наложили табу, для снятия которого необходим огромный философский труд. Можно сказать, всю свою жизнь Толстой и посвятил ему, и в этом смысле его танатология включает в себя не только метафизический бунт против смерти, но и определенный элемент культуроборчества.

Религиозную плоскость экзистенциальных переживаний героя повести «Смерть Ивана Ильича» вскрывает проблема посмертия, т.е. жизни после смерти, а, следовательно, и вопрос о Боге. Однако последнему в художественном пространстве повести места уделено мало. В ней фактически нет Бога, о чем свидетельствует следующий фрагмент: «Он <Иван Ильич> плакал о беспомощности своей, о своем ужасном одиночестве, о жестокости людей, о жестокости Бога, об отсутствии Бога. “Зачем ты все это сделал? Зачем привел меня сюда? За что, за что так ужасно мучаешь меня?...” Он и не ждал ответа и плакал о том, что нет и не может быть ответа» [3, т. 26, с. 105]. Ответа нет и быть не может, поскольку Толстой отказывается от понятия Бога как метафизического Абсолюта. Показательно, что на вопрошание Ивана Ильича откликается не божество, но его соб-

ственный «внутренний голос». Этим внутренним диалогом отчасти снимается тот самый метафизический бунт, проблематику которого будут развивать писатели-экзистенциалисты Л.Н. Андреев, Ж.-П. Сартр, А. Камю. После разговора с этим внутренним «я» у Ивана Ильича происходит своего рода метанойя, перемена ума, или преображение, в результате которого вся его жизнь представилась ему движением к смерти: «В общественном мнении я шел на гору, и ровно настолько из-под меня уходила жизнь... И вот готово, умирай!» [3, т. 26, с. 107]. Вопрос «Может быть, я жил не так, как должно?», вытеснивший теперь прежние жизненные убеждения Ивана Ильича, Толстой направляет своему читателю, являя ему сомнения своего героя: «“Но как же не так, когда я делал все как следует?” – говорил Иван Ильич себе и тотчас же отгонял от себя это единственное разрешение всей загадки жизни и смерти, как что-то совершенно невозможное» [3, т. 26, с. 107].

Третья плоскость рассмотрения вопроса о смерти в повести Толстого – плоскость социальная. У Ивана Ильича постепенно разрываются связи не только с коллегами, но и с домашними (со всеми, кроме мужика Герасима и его маленького сына, которые испытывали к нему жалость и сострадание). Лицемерие жены и дочери вызывает настоящую ненависть героя. Его раздражает, что они словно исполняют роль согласно выбранной стратегии поведения: не замечать, что происходит нечто роковое и важнейшее в жизни, и относиться к этому как к чему-то обыденному, без подлинного *со-чувствия*. Лишь Иван Ильич понимает, что происходит «самое главное», и это просто выдергивает его из освоенного им социального пространства, делает его лишним, ненужным. Впрочем, и общество смотрит на Ивана Ильича лишь как на «предмет», который вскоре должен освободить место. Сама же личность умирающего Ивана Ильича со всеми ее переживаниями решительно непонятна ни его коллегам, ни его родным еще и потому, что может заставить всех их думать о том, что неминуемо ждет любого и о чем не хочется думать никому. Еще только *умирающий* Иван Ильич для «социума» *уже мертв*.

Наконец, четвертая плоскость, в которой разворачивается описание события смерти в повести – этическая. Русская литература и русская философия этикоцентричны, и обыкновенно отечественными мыслителями смерть классифицируется как абсолютное зло именно в эти-

ческих координатах. Смерть – это нравственная трагедия и для того, кто умирает, и для тех, кто теряет близкого человека³. Описание ее требует и особого, этически ориентированного языка. Таков он и в повести Толстого, ведь «язык, при помощи которого выстраивается разговор о смерти, должен быть философским языком» [2, с. 38], причем не языком рационалистическим, но языком нравственным. Можно сказать, что этическая плоскость является основой для приращения ее всеми остальными смыслами. Именно от нее отталкивается Толстой, прибавляя в горизонт своего художественного исследования новые плоскости: философскую, религиозную, социальную и т.д. В конечном итоге Толстой-мыслитель сконструирует целостную картину умирания человека как «пограничной ситуации» (К. Ясперс), в предельном переживании которой могут быть заданы перспективы для разрешения фундаментальных вопросов о жизни и смерти. И в этом смысле повесть «Смерть Ивана Ильича» действительно можно смело назвать программным произведением Толстого, поскольку здесь обнаруживается этико-философское ядро его танатологической концепции. На страницах своей повести автор с настойчивым постоянством будет утверждать: жизнь-для-себя, т.е. эгоистическое существование, на самом деле вовсе не жизнь. Человек, который живет такой «жизнью», просто не способен ухватить подлинный смысл своего бытования. Он лишь существует, сосредоточенный на материальной повседневности, причем существует в своей иллюзии. И только смерть способна вскрыть эту ложь, заставив человека начать мучительный поиск истины – истины о жизни и смерти.

Понять и порой принять парадоксы толстовской танатологии непросто, еще труднее эксплицировать их из текста повести и транскрибировать в научную терминологию. Толстой считает, что «победа над смертью» или «спасение» от нее (берем эти термины в кавычки, поскольку Толстой их оспорил бы) заключается для человека не в том, чтобы убежать от смерти, замолчать ее или заняться самоуспокоением (надеясь на будущую жизнь). Победа над смертью для Толстого в осознании ее теснейшей взаимосвязи

с жизнью. В пространстве беспочвенных мечтаний этой связи не обрести. Бессмысленно и бегство от смерти, ибо оно все равно что бегство от живой жизни. «Победа» над смертью достигается погружением человека в мир ее тайн и бесконечного философского вопрошания о ее высшем смысле. Не удивительно, что те персонажи повести, которые не хотят думать о смерти, не вызывают у читателя ни симпатии, ни интереса. По-настоящему *живым* среди физически живых, но духовно близких к гибели (или даже уже духовно мертвых) людей⁴ в повести оказывается умирающий Иван Ильич.

Танатология Толстого глубоко парадоксальна, и в этом она соответствует предмету своего осмысления – единству жизни и смерти. Смерть для Толстого является той экзистенциальной ситуацией, которая актуализирует жажду живой жизни, освобождая человека от «забвения бытия» (М. Хайдеггер). В повести «Смерть Ивана Ильича» Толстой выполнил важнейшие для себя как мыслителя задачи: художественно зафиксировал процесс умирания и философски запечатлел событие смерти, которое привело человека к нравственному преображению и, как следствие, обретению смысла жизни и постижению истинного значения смерти. Для этого Толстому не потребовалась вера в посмертную жизнь и помощь высших сил – «спасение» было заключено в самом человеке. Иван Ильич, осознавая бессмысленность своего досмертного существования и понимая, что исправить уже ничего нельзя, тем не менее достойно завершает свой жизненный путь: его жалость к себе преобразуется в жалость – в первоначальном смысле «любовь» – к другим людям. Совершив свой экзистенциальный выбор, герой Толстого открыл для себя подлинный облик смерти, существенно отличающийся от того, каким он представлялся ранее людям. «Вместо смерти был свет... Какая радость!» [3, т. 26, с. 113] – завершает Толстой свою повесть, ставя точку в построении своей оригинальной философии смерти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький М. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. СПб., 1919.
2. Коробов-Латынцев А.Ю. Русский язык смерти: этико-философский аспект // Вестник Российского государственного гуманитарного

³ Толстого неслучайно так заинтересовала философия общего дела Федорова, которая постулировала необходимость направить все силы человечества на то, чтобы воскресить прошлые поколения и обесмертить нынешние.

⁴ Шестов писал: «Некоторые, очень немногие, чувствуют, что их жизнь есть не жизнь, а смерть» [6, с. 50].

университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 1. С. 38–49.

3. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.; Л., 1928–1964.

4. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.

5. Шестов Л. SolaFide – Только верою. Париж, 1966.

6. Шестов Л. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. На весах Иова. Странствования по душам. М.: Наука, 1993.

7. Янкелевич В. Смерть. М.: Изд-во Литературного Института, 1999.

REFERENCES

1. Gorky, M., 1919. Vospominaniya o L've Nikolaeviche Tolstom [Memories of Leo Tolstoy]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

2. Korobov-Latyntsev, A.Yu., 2018. Russkii yazyk smerti: etiko-filosofskii aspekt [Russian

language of death: ethical and philosophical aspect], Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie», no. 1, pp. 38–49. (in Russ.)

3. Tolstoy, L.N., 1928–1964. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. [Complete set of works: in 90 volumes]. Moskva; Leningrad. (in Russ.)

4. Heidegger, M., 1997. Bytie i vremya [Being and time]. Moskva: Ad Marginem. (in Russ.)

5. Shestov, L., 1966. Sola Fide – Tol'ko veroyu [Sola Fide – By faith alone]. Paris. (in Russ.)

6. Shestov, L., 1993. Sochineniya: v 2-kh t. T. 2. Na vesakh Iova. Stranstvovaniya po dusham [Collection of works: in 2 volumes. Vol. 2. In Job's balances. Wandering heart to heart]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

7. Yankelevich, V., 1999. Smert' [Death]. Moskva: Izd-vo Literaturnogo Instituta. (in Russ.)